

УДК 34.01
DOI 10.52452/19931778_2024_4_60

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ В ОСНОВЕ ВОПРОСА О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ¹

© 2024 г.

М.Д. Горбунов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

maxandgor@gmail.com

Поступила в редакцию 01.06.2024

Рассматривается выделенная Витгенштейном проблема следования правилу, породившая крайне широкую дискуссию в рамках лингвистической философии. Витгенштейн подчеркивает, что в рамках языковых практик могут существовать правила, являющиеся критерием соответствия той или иной ситуации, однако интерпретация правила может быть лишь вопросом его формулировки и нормативно не определена. Подобная формулировка проблемы вызвала ряд неоднозначных и противоречивых интерпретаций относительно языковых практик с устойчивой нормативной системой, в первую очередь относительно определенности юридических предписаний. В результате данный вопрос ставится более конкретно в аналитической философии и юриспруденции, в первую очередь через теорию Герберта Харта. В работе делается вывод, что лингвофилософская проблема следования правилу приобретает особое измерение, когда разговор происходит о юридическом языке. Относительно юридических понятий и правил эта проблема выражается не только в сложности определения критериев правовых конструкций и их содержания, но и самой действительности правовой системы.

Ключевые слова: язык права, аналитическая философия, юридический язык, речевые акты, правопонимание, научный дискурс, юридическая действительность.

Известным научным фактом является то, что влияние лингвистической философии на теорию юридического языка и правоведение предметно проявилось в аналитической юриспруденции в середине XX века в результате «лингвистического поворота» в философии права. Такое влияние при определенной степени условности можно представить в виде двух тезисов: необходимости восприятия права через призму его употребления субъектами и закрепления в праве критериев и пределов использования правовых понятий. Два названных аспекта фактически порождают ряд специфических дискуссионных вопросов, возникших вследствие приложения аналитической методологии к праву. Один из таких вопросов касается «проблемы следования правилу», описанной во взглядах Людвиг Витгенштейна и воспринятой в правовой теории Гербертом Хартом, применительно к фундаментальной проблеме действительности отправных норм правовой системы и правил, образующих концептуальное содержание юридических понятий, и критериев их употребления.

Людвиг Витгенштейн в своем научном творчестве позднего периода сформулировал понятие «языковых игр» как специфической формы словоупотребления. Практика языковых игр реализуется через особые речевые акты, не просто описывающие мир, но оказывающие на него

воздействие. Как указывал сам философ, «значение есть употребление». В связи с этим правила языковой игры, параметры употребления языковых понятий и характер их воздействия на человека являются предметом социальной конвенции в результате практики словоупотребления субъектов игр.

Именно в рамках данных установок проявляется проблема следования правилу [1]. Витгенштейн выделял простые и сложные случаи данной проблемы [2]. В простых случаях присутствует лишь неформальная общая социальная конвенция относительно содержания правил языковой игры. При этом подобное соглашение нормативно не определено и потому не является правилом в контексте своей формальной определенности (говоря юридическим языком) и институционального закрепления, а потому является лишь «формой жизни». В сложных случаях присутствует не просто общая социальная конвенция, а институционально установленный критерий, сложный в определении ввиду относительной определенности языка и несводимости социальных явлений к фактическим референтам. Право в таком контексте кажется ярчайшим примером второго типа ситуаций.

Нужно отметить, что проблема следования правилу стала объектом широкой дискуссии в философской среде. Одним из аспектов этой дискуссии сразу стал вопрос о том, распростра-

няется ли данная проблема на юридический язык и право. Сложность здесь заключается не только в том, что правовые понятия обладают специфическими перформативными свойствами, а в том, что существуют «правила о понятиях» и «правила о правилах» в нормативной системе. Здесь имеются в виду не умозрительные конструкции, а общепринятые принципы и основания правовой системы, а также конкретные положения государственного (конституционного) права и отправных норм ядра правовой системы. Данные явления кажутся конкретно правовыми и мало касаются проблем лингвистического содержания, но данный вопрос ставится более конкретно в аналитической философии и юриспруденции, в первую очередь через неопозитивистскую теорию Герберта Харта и его авторскую концепцию юридического языка.

Лингвофилософская проблема следования правилу приобретает особое измерение, когда разговор происходит о юридическом языке. Относительно юридических понятий и правил эта проблема выражается не только в сложности установления критериев определения правовых конструкций и их содержания, но и самой действительности правовой системы, как это успешно демонстрирует Харт. Дело в том, что, учитывая специфические свойства правовых понятий касаясь их перформативности и, как следствие, конкретной социальной нормативности, критерии языковых игр фактически – это критерии действительности правовой системы – правила определения правовых норм (отправные нормы и конституционное законодательство).

В представлениях Харта органично слились новые аналитические представления о языке и образуемых им социальных понятиях: его контекстуальности и перформативности, а также утверждение о фактической конвенциональности понятий и правил их употребления [3]. Харт подчеркивает, что юридический язык не является строго однородным ввиду многообразия практики употребления правовых понятий.

В общем виде Харт сводит способы словоупотребления к внешним и внутренним типам утверждений, противопоставляя внешнюю точку зрения наблюдателя, просто соблюдающего правила правовой системы, внутренней точке зрения субъектов (в первую очередь публичных), их использующих [4, р. 247–248]. Внешняя точка зрения простого наблюдателя позволяет лишь установить определенную социальную практику употребления понятий и совершения действий без выявления сути отношений. Оценка такой практики при этом не происходит, поскольку наблюдатель не способен установить внутренние правила и специфику их

применения в практике. В свою очередь, рассмотрение понятий и правил с внутренней точки зрения предусматривает их осознанное восприятие. Нарушение правил в таком случае воспринимается «не просто как основание для прогнозируемой реакции на них, но как причина такой реакции» [5, с. 86]. Юридические понятия таким образом могут рассматриваться с внутренней и внешней точки зрения. И если с внешней точки зрения понимание сути понятий и правил их употребления не обязательно, то для формирования внутренней точки зрения это является ключевым условием.

Право понимается Хартом как система общих и пограничных случаев (понятий и правил, которые они создают), и отсюда необходимость определения их содержания и практики употребления, а также отграничения от смежных понятий и ситуаций. Для этого Хартом вводится система первичных и вторичных правил, в которой Харт видит «ключ к науке юриспруденции» [5, с. 78]. Отсюда выводится проблема действительности вторичных правил.

Первичные правила представляют собой нормы, непосредственно определявшие права и обязанности людей, их деяния и меру ответственности. Вторичные правила представляют собой не что иное, как «правила о правилах», определяя условия принятия, изменения и применения первичных правил, условия их действительности. То есть они по большому счету являются тем самым институционализированным критерием, на который указывал Витгенштейн. Именно вторичные правила позволяют установить и идентифицировать правила поведения как правовые, обязательные для реализации социальной группой под угрозой ответственности за нарушение.

Важной спецификой вторичных правил является то, что значимая их часть, как правило, прямо и формально не выражены в правовой системе. Такие правила могут носить фактологический характер и подтверждаться непосредственно правоотношениями в сфере практики действия первичных правил правовой системы, их принятия, применения официальными лицами, в частности судом. Вторичные правила, по утверждению Харта, не применяются, а существуют [5, с. 95]. Таким образом, подобные правила прямо не декларируются, а потому вызывают сложности с их определением и как итог их юридической действительности. Здесь Харт обращается к собственному тезису о внутренних высказываниях и утверждает, что вторичные правила применяются субъектами непосредственно при определении первичных исхода из внутренней точки зрения по собственной

убежденности в их действительности. Кроме того, вторичные правила, так же как и первичные, находятся в системе норм и иерархически соподчинены, что упрощает их определение официальными лицами, для которых они преимущественно предназначены.

Необходимо отметить, что здесь нельзя положить прямую аналогию между Витгенштейном и Хартом, поскольку последний выделяет кроме участников игры ещё и субъектов, которые непосредственно формируют и декларируют правила. В обыденном языке колесо круглое, поскольку представления о колесе и круге как фигуре являются реалиями жизни – отражением человеческого опыта и практики словоупотребления, то при правонарушении под транспортным средством мы понимаем только то, что таковым признается законом. То есть при поверхностном рассмотрении юридический язык имеет заданные правила игры. Это связано с особыми свойствами юридического языка, о котором говорилось ранее. Право здесь действительно может восприниматься как частный сложный случай следования правилу.

Казалось бы, нужно сделать вывод, что проблема следования правилу актуальна для юридического языка и правовой системы лишь в ограниченном виде, но это на самом деле не так. Важно отметить, что правовые нормы находятся в иерархическом подчинении и если для производных норм можно установить субъектов, то для первичных такой возможности не обнаруживается. И здесь наибольшую проблему представляет следование правилам ядра правовой системы (конституционному праву) или тому, что Харт называет окончательным правилом признания.

Главным специфическим проблемным свойством такого правила является то, что не существует формального подтверждения его юридической силы и, соответственно, действительности в правовой системе. Необходимо отметить, что данный вопрос встречается в большом числе правовых теорий, и прежде всего позитивистских, которые, выстраивая иерархию норм, основанных на конституции, обнаруживают, что сама конституция оказывается «висящей в воздухе», превращаясь в метафизическую категорию [6, с. 40].

Окончательное правило признания или, если сказать по-другому, «правило о всех правилах» не может рассматриваться с внутренней точки зрения, поскольку даже для официальных лиц является вопросом факта. В таких условиях происходит вынужденный переход от внутренней точки зрения к внешней, от аргументированной позиции, ссылающейся на фактический институционально закрепленный критерий, к

«вере в высшую силу конституции». Поэтому Харт делает вывод, что в то время как правила правовой системы действительны ввиду того, что предусматриваются окончательным правилом признания, само правило не может быть ничем подтверждено, поэтому его действительность просто допускается [5, с. 113]. При этом Хартом подчеркивается, что правила ядра правовой системы не просто предполагаются, а реально существуют в правовой системе, поскольку обнаруживаются в практике действия системы первичных и вторичных правил. Харт принципиально говорит не о «предположении существования», а о «констатации действительности» правила, то есть о его фактуальном характере, или, как сказал бы Витгенштейн, оно является «формой жизни» [5, с. 113]. В таком контексте проблема следования правилу в праве носит комплексный характер и не может быть соотнесена прямо с простыми и сложными случаями, называемыми Витгенштейном.

Более того, введение в правовую систему концепции окончательного правила признания порождает и конкретно правовые вопросы, о которых упоминалось выше. Решение Хартом этих проблем кажется довольно тривиальным, поскольку он лишь констатирует дуалистический характер правил ядра правовой системы. Окончательное правило признания должно всегда рассматриваться двояко с внутренней и внешней точки зрения – как основание для действительности правовой системы и как специфический социальный факт [7, р. 189]. Однако формальная логика аргументации кажется несколько нарушенной, поскольку возникает вопрос о действительности всей правовой системы, если ее основа просто постулируется. Получается, что вся юридическая реальность, позитивные правовые отношения и институты основываются на простой «вере в высшую силу конституции». По убеждению Харта, здесь достаточно лишь того, что официальные лица фактически воспринимают такую систему как обязывающую и обеспечивают ее соблюдение со стороны индивидов. В результате правовед резюмирует, что «наличие именно внутренней точки зрения официальных лиц является тем обязательным требованием, которое формирует единую правовую систему, поскольку это необходимо для восприятия вторичных правил» [5, с. 119].

Тут явно прослеживается аналогия внешней точки зрения на право с принятием правил языковой игры, внутренняя точка зрения наиболее остро выражает проблему следования правилу, поскольку официальные лица должны иметь четкие критерии для осознанного использования понятий права. При этом Харт не формиру-

ет никакой линии аргументации и не объясняет, чем вызвано восприятие окончательного правила признания с внутренней точки зрения. К тому же такая система не объясняет феномен окончательного правила признания. В собственной логике Харта оно не объясняется с точки зрения концепции внутренней точки зрения. Действительно, это объясняет в определенной степени действительность всей правовой системы на уровне сложившейся позитивной практики, но делает конституционные нормы экстраординарными. Кроме того, Харт сам себе противоречит, указывая на фактуальный характер окончательного правила признания, ввиду чего внутренняя убежденность в его действительности становится ценностным убеждением. Это выводит автора из собственной позитивистской линии аргументации и добавляет дополнительные аргументы антипозитивистским концепциям. При этом заметно желание автора через констатацию определенной практики нормативных отношений в обществе отослаться к социально-политической реальности, но он не решается развивать такую линию аргументации, которая кажется довольно радикальной для сознания правоведа-позитивиста. Во многом поэтому выводы Харта кажутся ограниченными, что довольно показательно. Формальная юриспруденция не может объяснить феномен действительности правовой системы и генезис «правил о правилах» используя исключительно методы формальной логики и формально-юридическую методологию. Природа права лежит в системе сложных социально-политических связей – в системе социальных фактов. Данный вывод еще сильнее укрепил

связь аналитического направления в юриспруденции и аналитического же направления в философии на современном этапе.

Примечание

1. Материал статьи апробирован в рамках серии научных семинаров «Язык права и правовая коммуникация в знаковых системах культуры», организованных кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (семинар от 15 декабря 2023 года).

Список литературы

1. Ладов В.А. Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
2. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 152 с.
3. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. 472 с.
4. Hart H.L.A., Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence // The Aristotelian Society. 1955. Vol. 29. P. 213–264.
5. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ. Е.В. Афонасина [и др.]; под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 304 с.
6. Антонов М.В. Чистое учение о праве против естественного права? // В кн.: Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., франц.; сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 7–106.
7. Wade W. The Basis of Legal Sovereignty // Cambridge Law Journal. 1955. Vol. 13. № 2. P. 172–197.

THE PHILOSOPHICAL PROBLEM OF THE RULE-FOLLOWING AT THE BASIS OF THE QUESTION ABOUT THE VALIDITY OF LAW

M.D. Gorbunov

The article examines the problem of the rule-following, highlighted by Wittgenstein, which gave rise to an extremely wide discussion within the framework of linguistic philosophy. Wittgenstein emphasizes that within the framework of linguistic practices there may be rules that are a criterion for compliance with a particular situation, but the interpretation of the rule can only be a matter of its formulation and is not normatively defined. This formulation of the problem gave rise to a number of ambiguous and contradictory interpretations regarding language practices with a stable normative system, primarily regarding the certainty of legal regulations. As a result, this question is posed more specifically in analytical philosophy and jurisprudence, primarily through the theory of Herbert Hart. The paper concludes that the linguistic-philosophical problem of the rule-following takes on a special dimension when the conversation takes place about legal language. Regarding legal concepts and rules, this problem is expressed not only in the complexity of determining the criteria for legal structures and their content, but also in the very reality of the legal system.

Keywords: language of law, analytical philosophy, legal language, speech acts, legal understanding, scientific discourse, validity of law.

References

1. Ladov V.A. The illusion of meaning: the problem of following a rule in analytical philosophy. Tomsk: Tomsk University Press, 2008. 326 p.
2. Kripke S.A. Wittgenstein on rules and individual language / Trans. V.A. Ladov, V.A. Surovtsev; under the general editorship of V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk University Press, 2005. 152 p.
3. Kasatkin S.N. How to define social concepts? The concept of ascriptivism and the repealability of the legal language by Herbert Hart. Samara: Prime, 2014. 472 p.
4. Hart H.L.A., Cohen J. Theory and definitions in jurisprudence // *The Aristotelian Society*. 1955. V. 29. P. 213–264.
5. Hart G.L.A. The concept of law / Translated from English E.V. Afonasin [et al.]; under the general editorship of E.V. Afonasin, S.V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2007. 304 p.
6. Antonov M.V. Pure doctrine of law versus natural law? // In: Kelsen G. The pure doctrine of law, justice and natural law / Translated from German, English, French; comp. and introduction by M.V. Antonov. St. Petersburg: Alef-Press, 2015. P. 7–106.
7. Wade U. Fundamentals of Legal Sovereignty // *Cambridge Law Journal*. 1955. V. 13. № 2. P. 172–197.